

грязных денег и страстей. Она притягивает к себе другие «адские привидения». Она является стержнем этого мира, своеобразной «осью зла».

Как самое крупное и «масштабное» исчадие ада (в романе ее часто называют «тварью» и «королевой»), Настасья Филипповна является еще и самым умным из всех «адских привидений» (князь Мышкин все время говорит, что она все «понимает»). Будучи способной понимать, что происходит, она не может не страдать от сознания своей обреченности. Чувство причастности к миру тьмы (в разговорах с князем Мышкиным она настаивает на том, что она не жертва, что она на самом деле «тварь») сочетается в ней с желанием изменить свою жизнь, вернуться к настоящей жизни, обрести надежду и веру. В своих мечтах она представляет именно такого «спасителя», как князь Мышкин, который явится чудесным образом из ниоткуда и скажет ей те слова, которые она хочет услышать.

Наконец, волей автора луч надежды в облике князя Мышкина помещается в эти искусственные условия безверия и уныния. Он внедряется в эти условия так же искусственно, как создавался сам эксперимент. Совершенно «случайно» при нем оказывается конверт с завещанием Павлищева, которое дает ему возможность вытащить Настасью Филипповну из ее ада.

Появление князя Мышкина должно было бы «воскресить» Настасью Филипповну, воодушевить ее, вселить в ее сердце надежду и веру. Она должна была ухватиться изо всех сил за протянутую ей руку и начать новую жизнь. И тут должен был наступить хеппи-энд, как в хорошем романе Диккенса или Теккерея, со слезами умиления на глазах. Вместо этого Настасья Филипповна отвечает так, как может ответить преисподняя — адским хохотом. Она смеется над последней появившейся возможностью спасения. Вера для нее — это слишком просто. Недаром у ее неизменного спутника Рогожина, который часто «транслирует» ее мысли, возникает идея о том, что в России больше неверующих, потому что «мы дальше их пошли»: «...мне вот один с пьяных глаз говорил, что у нас, по России, больше, чем во всех землях таких, что в Бога не веруют? „Нам, говорит, в этом легче, чем им, потому что мы дальше их пошли...“»

Получается, что ад со всеми его страданиями и присущей ему расчетливостью, воплощенный в образе Настасьи Филипповны, ведет себя парадоксально иррационально: она отказывается от, казалось бы, «выгодной» для нее возможности спасения. Создается ситуация, когда рациональный расчет, типичный для отсутствия веры, перестает действовать. Зная, что она обрекает себя на гибель, причем гибель, возможно, буквальную (Рогожин собирается ее зарезать после свадьбы), Настасья Филипповна отказывается от возможности выхода.

И здесь Достоевский делает нечто особенное: он рисует ад, сошедший с ума. Это ад, для которого свойственно «бескорыстие» (эпитет, часто употребляемый при описании Настасьи Филипповны), ад, который, как и «рай» и «свет», воплощенные в образе Аглаи, «в торги не вступает», ад, который не ценит деньги (причем не ценит буквально: Настасья Филипповна бросает сто тысяч, принесенных Рогожиным, в камин). Это сумасшествие ада, отсутствие в нем всякой рациональности, разума и расчетливости, приписываемых ему, делает картины ада, рисуемые Достоевским, особенными и неповторимыми. Он возвышает ад до рая, зло приравнивает добру, оставляя человека со всей его борьбой разума совершенно за пределами добра и зла. Все потуги человеческого разума становятся как бы не относящимися к делу.

Таким образом, Достоевский в результате своих экспериментов приходит к выводу о том, что разум не имеет никакого отношения к противостоянию добра и зла и не может использоваться как инструмент познания и поиска истины, потому что